

Владимир Кожевников

Тень
наставника

Владимир Кожевников

Тень наставника

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Тень наставника / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Продолжение приключений Лиры в Ковене мертвецов. Лира думала, что победа над Ксавьером принесёт ей покой. Но Ковен не залечил раны — он затаился. В академии появляется мальчик, воскресивший сестру. Девочка не говорит, только поёт ту самую колыбельную, а на стенах оживают рисунки. Лира узнаёт почерк Ксавьера: кто-то в Ковене помогает ему вернуться. Теперь у Лиры двое спутников: Азраил — тень, которая хранит её воспоминания, и мальчик — копия Ксавьера, его совесть. Один хочет защитить её любой ценой. Другой хочет спасти всех. Но оба знают: песня — это ключ. И ключ можно повернуть дважды. В подземелье просыпается старый библиотекарь, мечтающий о вечной жизни. Он готов забрать песню, девочку, весь Ковен — лишь бы получить обещанное. А где-то в пепле ждёт настоящий Ксавьер. И он шепчет: «Ты не сможешь спасти всех. Выбирай». Мрачная готическая сказка о долгах, которые нельзя вернуть, и о тени, которая помнит больше, чем ты сам.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новый ученик	5
Глава 2. Поющая сестра	7
Глава 3. Рисунки на стенах	9
Глава 4. Якорь	11
Глава 5. Лабиринт колыбельной	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Кожевников

Тень наставника

Глава 1. Новый ученик

Прошло три недели после падения Ксавьера. Ковен залечивал раны — медленно, как старый зверь, который лижет свои раны в темноте. Моргана правила твёрдой рукой, но без жестокости. Она отменила половину запретов, открыла запретную секцию библиотеки для старшекурсников и велела заложить окна в подземелье, чтобы туда проникал хоть какой-то свет.

Лира жила в странном ритме. Днём она помогала Моргане — разбирала бумаги, проверяла списки студентов, иногда сидела на собраниях, где решались мелкие вопросы. Ночью она тренировалась с Азраилом. Он учил её чувствовать нити — не только долговые, но и другие. Тонкие, как паутина. Голосовые. Памятные.

— Ты должна научиться брать не только боль, — говорил он. — Но и радость. И страх. И всё, что делает человека человеком.

— Зачем?

— Потому что ты — некромант. Ты работаешь с душами. А душа — это не только боль. Это всё.

Лира кивала. Она не говорила, что боится. Боялась, что возьмёт слишком много и забудет себя. Боялась, что Азраил исчезнет. Боялась, что не найдёт способ сохранить и его, и себя.

Тимка жил в комнате рядом с её. Он больше не пел колыбельную. Вместо неё он насвистывал новую мелодию — ту, что дали ему дети храма. Он всё ещё не помнил Вейлу. Но он учился. Каждый день он садился с ней за стол и пытался вспомнить. Вейла писала ему записки, и он читал их вслух. Медленно, по слогам, как будто учился читать заново.

— Ты была моей подругой? — спросил он однажды.

Вейла кивнула.

— Я не помню. Но я хочу помнить.

Вейла улыбнулась. И написала: «Я подожду».

Моргана держала пепел Ксавьера в кабинете — в маленьком железном ящике, запёртом на три замка. Она не говорила, что собирается с ним делать. Лира не спрашивала. Но иногда, проходя мимо кабинета, она слышала тихий шёпот. Как будто пепел говорил сам с собой.

В тот день всё началось с крика.

Лира выбежала в коридор. Студенты толпились у ворот — там, где пасть дракона служила входом. За воротами стоял мальчик. Лет двенадцати. Худой, бледный, с растрёпанными волосами. Он держал в руках котомку и смотрел на Ковен с ужасом.

— Я... я ищу Лиру, — сказал он. — Лиру из Соснового Брода.

Лира шагнула вперёд.

— Я Лира.

Мальчик посмотрел на неё. Потом протянул котомку.

— Мне сказали передать. Это от твоей матери. Она сказала: «Иди в Ковен. Найди Лиру. Она поможет. Потому что она уже имела дело с колыбельной».

Лира замерла. Она взяла котомку. Внутри была книга — та самая, которую она оставила дома. «Некромантия для начинающих». И записка. Кривой почерк матери: «Лира, я знаю, что ты жива. Я знаю, что ты не вернёшься. Но я хочу, чтобы ты знала: я не проклинаю тебя. Я горжусь тобой. И я жду. Всегда».

Лира заплакала. Тихо, беззвучно, как будто слёзы были запрещены.

Мальчик стоял рядом. Он не уходил.

— Ты кто? — спросила Лира, вытирая слёзы.

— Меня зовут Кир, — сказал он. — И я... я некромант. Как ты. Я воскресил свою сестру. И теперь я не знаю, что делать.

Азраил вытянулся из тени. Он смотрел на мальчика с подозрением. Тень его сжалась — как будто он чувствовал что-то знакомое.

— Ты воскресил сестру? Как?

— Я нашёл книгу. В подвале. Она была старая. Я прочитал слова. И она открыла глаза. Но она... она не такая, как раньше. Она не говорит. Только поёт.

— Поёт? — Азраил подался вперёд. — Что она поёт?

Кир помолчал. Потом сказал:

— Колыбельную. Ту самую, которую пел Ксавьер.

Азраил замер. Тень его вытянулась, как натянутая струна.

— Этот мальчик пахнет Ксавьером, — прошептал он Лире. — Я чувствую его след.

Лира посмотрела на Азраила. Потом на мальчика.

— Это опасно? — спросила она тихо.

— Всё, что связано с Ксавьером, опасно, — ответил Азраил. — Но мальчик не виноват. Пока.

Лира кивнула. Она взяла Кира за руку.

— Пойдём, — сказала она. — Я помогу тебе. Но сначала ты расскажешь мне всё. Всё, что помнишь.

Кир кивнул. Он был испуган. Но он пошёл за ней.

Впереди был долгий разговор. И новые тайны. И тень, которая пахла Ксавьером.

Глава 2. Поющая сестра

Комната Лирь снова стала штабом. Кир сидел на табурете, сжимая котомку, и смотрел на всех с испугом. Вейла стояла у двери, держа карандаш и бумагу. Моргана сидела на кровати, сложив руки на коленях. Азраил вытянулся из тени — тонкий, настороженный.

— Рассказывай, — сказала Лира. — Всё, с самого начала.

Кир сглотнул. Потом заговорил — тихо, медленно, как будто каждое слово царапало горло.

— Мою сестру зовут Мира. Ей десять. Она заболела прошлой зимой. Лихорадка. Такая же, как у твоего брата. — Он посмотрел на Лирю. — Я не хотел её воскрешать. Я не знал, что это сработает. Я нашёл книгу в подвале. Она была старая, в кожаном переплёте. На обложке был круг с тремя точками. Я прочитал слова. Я не думал, что они что-то сделают. Но она открыла глаза.

— И что потом? — спросила Лира.

— Она встала. И запела. Ту самую колыбельную. Я не знаю, откуда она её знает. Я никогда не слышал её раньше. Но Мира поёт её всё время. Днём и ночью. Она не ест. Не спит. Только поёт. И рисует.

— Рисует? — переспросила Моргана. — Что она рисует?

— Всё. Стены. Пол. Воздух. Она рисует пальцами, и рисунки остаются. Как будто висят в воздухе. Я не знаю, как это происходит.

Моргана нахмурилась.

— Круг с тремя точками? Ты уверен?

— Да. Я запомнил. Он был выжжен на обложке.

Моргана посмотрела на Лирю.

— Это знак Серых Прях. Книга, которую он нашёл, — их книга. Ритуал, который он провёл, — их ритуал. Он не просто воскресил сестру. Он привязал её к Ксавьеру.

Лира похолодела.

— Что это значит?

— Это значит, что твоя сестра — не просто поющая кукла, — сказал Азраил. — Она — якорь. Ксавьер использует её, чтобы вернуться. Песня, которую она поёт, — это его песня. А рисунки — это его глаза. Она видит то, что видит он.

Кир побледнел.

— Я не хотел. Я не знал.

— Никто не знает, — сказала Моргана. — Пока не становится слишком поздно. Я видела такие книги. Триста лет назад. Они были запрещены. Но кто-то сохранил их.

Азраил вытянулся из тени. Тень его дёрнулась — как будто он чувствовал что-то знакомое.

— Эта книга была в моей библиотеке, — сказал он тихо. — Кто-то украл её. Или скопировал. Триста лет назад.

Лира посмотрела на Азраила.

— Ты знаешь, кто мог её украсть?

— У меня есть догадка. Но она мне не нравится.

Моргана подняла голову.

— Рисунки — это опасно. Если она нарисует нас, Ксавьер увидит нас. Мы должны быть осторожны.

Лира кивнула. Она посмотрела на мальчика. На его испуганное лицо. На его руки, которые дрожали.

— Где она сейчас? — спросила Лира.

— В деревне. В подвале. Я запер её. Я боялся, что она выйдет.

— Ты правильно сделал, — сказала Моргана. — Если она выйдет, Ксавьер сможет использовать её, чтобы найти нас. Или кого-то ещё.

Лира встала.

— Мы должны её увидеть. Мы должны остановить песню.

— Это опасно, — сказал Азраил. — Если Ксавьер почувствует, что мы рядом, он попытается забрать её. Или тебя. Или мальчика.

— Я знаю. Но мы не можем оставить её там. Она ребёнок.

Азраил помолчал. Потом сказал:

— Ладно. Но мы пойдём вместе. И будем осторожны.

Кир поднял голову.

— Вы правда можете?

Лира кивнула.

— Правда. Но сначала ты должен рассказать мне всё. Всё, что ты помнишь о книге. О словах. О том, что произошло, когда Мира открыла глаза.

Кир кивнул. Он начал говорить. И Лира слушала. Она слушала о книге, о словах, о том, как Мира открыла глаза и запела. И она понимала, что это только начало.

Глава 3. Рисунки на стенах

Дорога до деревни Кира заняла два дня. Они шли ночами, как и в прошлый раз, — Лира, Азраил, Вейла, Моргана и Кир. Тимку оставили в Ковене под присмотром Тэрена. Он не хотел оставаться. Но Лира настояла.

— Ты должен отдыхать, — сказала она. — И учиться. Я вернусь.

Тимка кивнул. Он больше не спорил. Он просто смотрел, как она уходит, и в его глазах было что-то, чего Лира не видела раньше. Понимание. И страх.

Кир шёл впереди. Он знал дорогу. Он вообще много чего знал — для мальчика двенадцати лет. Он знал, как найти съедобные корни, как обходить болота, как не шуметь в лесу. Лира смотрела на него и думала: «Он выживал один. С сестрой, которая пела. И никто ему не помог».

— Ты давно один? — спросила она.

Кир пожал плечами.

— С зимы. Мать умерла раньше. Отец ушёл на войну и не вернулся. Мы жили вдвоём. Я и Мира.

— А соседи?

— Они боятся. Они видели, что она делает. Они говорят, что она проклята.

Лира помолчала. Она понимала. Она сама была проклятой. Для своей деревни. Для своей семьи. Для всех, кроме матери.

— Они не правы, — сказала она. — Она не проклята. Она просто... другая.

Кир посмотрел на неё. В его глазах было что-то, чего Лира не ожидала. Надежда.

— Ты правда так думаешь?

— Правда.

Азраил молчал. Он скользил в тени Лир — тонкий, настороженный. Он не доверял мальчику. Или, может быть, не доверял тому, что мальчик принёс с собой.

— Ты чувствуешь что-нибудь? — спросила Лира.

— Чувствую, — сказал Азраил. — Ксавьер рядом. Он не здесь. Но он близко. Песня тянет его.

На второй день они вышли к деревне. Она была маленькой — меньше Соснового Брода. Пять дворов, покосившаяся церквушка, колодец с журавлём. Люди прятались по домам. Лира видела, как занавески дёргаются, как глаза смотрят в щели.

— Они боятся, — сказал Кир. — Они всегда боятся.

Дом Кира стоял на отшибе. Он был старым, с низкой крышей и заколоченными окнами. Кир открыл дверь и вошёл первым.

— Мира в подвале, — сказал он. — Я запер её. Но она не пытается выйти. Она просто поёт.

Лира спустилась по лестнице. Подвал был тёмным и сырым. Пахло землёй и чем-то сладковатым, как ладан. В углу сидела девочка. Маленькая, худенькая, с растрёпанными волосами. Она пела. Тонко, как нитка, которую тянут через игольное ушко. Ту самую колыбельную.

А на стенах были рисунки. Сотни, тысячи. Дети, деревья, драконы, чёрные круги. И среди них — человек с гладким лицом. Нарисованный сотни раз. Каждый раз он был всё чернее. И рисунки двигались. Медленно, как водоросли в воде. Они шевелились, переплетались, тянулись друг к другу. Один из них — человек с гладким лицом — потянулся к Лире. Она отшатнулась. Рисунок замер, но не исчез.

Лира почувствовала, как что-то сжалось в груди. Она видела эти рисунки раньше. В храме. На стенах. Дети храма рисовали то же самое. Но там они не двигались.

— Она видит его, — сказал Азраил. — Ксавьера. Она рисует то, что он видит. И рисунки оживают. Это его сила. Через неё.

Мира повернула голову. У неё были глаза, как две белые пуговицы. Она улыбнулась так, что стало страшно.

— Ты пришла, — сказала она голосом Ксавьера. — Я знал, что ты придёшь.

Лира шагнула вперёд.

— Отпусти её.

— Зачем? — Мира наклонила голову. — Она поёт. Ей хорошо.

— Она ребёнок.

— Все мы дети. Некоторые просто ещё не знают.

Лира сжала кулаки. Она видела нить — толстую, чёрную, пульсирующую. Она тянулась от Мира к стене. К одному из рисунков. К человеку с гладким лицом.

— Я могу перерезать, — сказала она.

— Можешь, — сказал Ксавьер. — Но, если ты перережешь, она умрёт. Как твой брат. Помнишь?

Лира замерла. Она помнила. Она помнила всё.

— Ты лжёшь.

— Проверь.

Лира посмотрела на Кира. Он стоял у лестницы, бледный, испуганный. Он смотрел на сестру и не узнавал её.

— Она не всегда такая, — сказал он тихо. — Иногда она просто... поёт. И рисует. И тогда она похожа на себя. Но иногда... иногда она говорит его голосом.

Лира кивнула. Она шагнула к Мире. Девочка не отстранилась. Только смотрела на неё белыми пуговицами.

— Мира, — сказала Лира. — Ты слышишь меня?

Девочка не ответила. Только улыбнулась — так, что стало страшно.

— Она не слышит, — сказал Ксавьер. — Она уже не здесь. Я не могу выйти. Но я могу говорить. И я могу видеть. И я вижу тебя, Лира.

Тень Азраила сжалась. Он боялся. Лира чувствовала это.

— Ты боишься его? — спросила она тихо.

— Я боюсь того, что он может сделать с тобой. И с мальчиком. И с девочкой.

— Не слушай его, — прошептал Азраил. — Он играет. Он всегда играет.

Лира зажмурилась. Она чувствовала, как тень Азраила обвила её запястье — холодная, но крепкая.

— Что делать? — прошептала она.

— Не знаю, — сказал Азраил. — Но мы что-нибудь придумаем.

Глава 4. Якорь

Лира стояла в подвале, глядя на девочку с белыми глазами. Рисунки на стенах шевелились, как водоросли в тёмной воде. Один из них — человек с гладким лицом — тянулся к ней, и она чувствовала холод, исходящий от нарисованных пальцев.

— Она не может продолжаться вечно, — сказала Моргана. — Песня высасывает её. Если мы не остановим это, она умрёт. Или станет чем-то хуже.

— Хуже? — переспросил Кир.

— Гладколицой. Как я. Как Ксавьер. Она потеряет лицо. И станет его рукой в этом мире. Кир побледнел. Он смотрел на сестру, и в его глазах был ужас.

— Мы должны её спасти.

— Мы попытаемся, — сказала Лира. — Но сначала нужно понять, как Ксавьер держится за неё. Нить, которую я вижу, — не просто долг. Это якорь. Он держится за неё, как за дверь.

Азраил вытянулся из тени.

— Я знаю, как это работает, — сказал он. — Ксавьер использовал якорей раньше. Триста лет назад. Он выбирал детей. Тех, кто был ближе к смерти. Он привязывал их к себе и использовал как глаза и уши. Но был и другой способ.

— Какой? — спросила Лира.

— Он привязывал их через песню. Песня — это ключ. Если ты сможешь изменить песню, ты сможешь изменить якорь. Но это опасно. Ты должна войти в песню. Как ты входила в сон Тимки.

Лира замерла.

— Войти в песню?

— Это как войти в сон. Но глубже. Песня — это не просто звук. Это память. Это душа. Если ты войдёшь, ты увидишь то, что видит Мира. И Ксавьер увидит тебя.

— Тогда он попытается меня схватить.

— Да. Но у тебя есть преимущество. Ты — некромант. Ты умеешь брать долги. Ты можешь забрать песню. Не перерезать нить, а забрать саму песню. Если песни не будет, якорь исчезнет. Мира будет свободна.

Лира посмотрела на Миру. Девочка всё ещё пела. Тонко, как паутина на ветру.

— Что будет с Ксавьером?

— Он потеряет свою дверь. Он останется в пепле. Слабым. Беспомощным. Пока кто-то другой не найдёт его.

— Хорошо, — сказала Лира. — Я войду.

— Нет, — сказал Кир. — Я пойду.

Лира обернулась.

— Ты не можешь. Это опасно.

— Она моя сестра. Я её воскресил. Я должен её спасти. И я слышу её. Даже сейчас. Она зовёт меня. Изнутри песни.

Лира посмотрела на мальчика. На его решительное лицо. На его руки, которые больше не дрожали.

— Ты не некромант, — сказала она. — Ты не сможешь забрать песню.

— Но я могу помочь. Я знаю Миру. Я знаю, как она думает. Я могу найти её внутри песни. Пока ты будешь отвлекать Ксавьера.

Лира задумалась. Потом кивнула.

— Хорошо. Но если я скажу бежать — беги.

Кир кивнул.

Моргана шагнула вперёд.

— Я останусь здесь. Кто-то должен следить за телом. Если вы не вернётесь через час, я войду сама.

Лира кивнула. Она села на пол перед Мирой. Девочка не отстранилась. Только смотрела на неё глазами, как два белых камешка.

— Азраил, — сказала Лира. — Ты пойдёшь со мной?

Тень Азраила на секунду стала плотнее. Он боялся. Но не за себя.

— Я боюсь того, что мы найдём внутри, — сказал он. — Но я не оставлю тебя одну.

— Я знаю, — сказала Лира. — Ты никогда не оставляешь.

Тень стала теплее. Лира закрыла глаза. Она почувствовала, как тень Азраила обвила её запястье — холодная, но крепкая. И шагнула в песню.

Глава 5. Лабиринт колыбельной

Ли́ра открыла глаза. Она стояла в коридоре, выложенном детскими зубами. Но это был не Ковен. И не храм. Это была песня. Стены дышали, пол пружинил под ногами, а воздух пах мёдом и ржавчиной. Где-то вдалеке пели голоса — детские, женские, старческие. Все одновременно. Не в унисон.

— Где мы? — спросила Ли́ра.

— Внутри, — сказал Азраил. Тень его была плотной, почти осязаемой. — В песне. Это лабиринт. Каждый куплет — воспоминание Миры. Ксавьер прячется в одном из них. Мы должны найти его, прежде чем он найдёт нас.

Кир стоял рядом. Он выглядел испуганным, но не удивлённым.

— Я слышу её, — сказал он. — Она где-то там. Зовёт.

— Тогда идём, — сказала Ли́ра. — Но будь осторожен. Песня может показать тебе то, что ты хочешь увидеть. Или то, чего боишься.

Они пошли по коридору. Первый куплет был воспоминанием о зиме. Снег падал с потолка, хотя потолка не было. Ми́ра сидела на крыльце, маленькая, в тёплом платке, и лепила снеговика. Кир стоял рядом и смеялся. Ли́ра видела, как его лицо смягчилось.

— Я помню это, — сказал он тихо. — Ей было шесть. Она первый раз слепила снеговика. Он был кривой. Но она гордилась.

— Не останавливайся, — сказал Азраил. — Это ловушка. Песня хочет, чтобы ты задержался. Чтобы ты забыл, зачем пришёл.

Кир кивнул. Они пошли дальше.

Второй куплет был воспоминанием о лете. Ми́ра бежала по лугу, а Кир гнался за ней. Она смеялась. Он смеялся. Ли́ра почувствовала, как что-то сжалось в груди. Она не помнила своего детства. Но она помнила, что оно было.

Третий куплет был воспоминанием о болезни. Ми́ра лежала в постели, бледная, с закрытыми глазами. Кир сидел рядом и держал её за руку. Он плакал. Ли́ра видела, как его плечи дрожат. А в руках Ми́ры держала рисунок — портрет человека с гладким лицом. Ли́ра узнала его. Ксавьер. Но откуда он у неё?

— Это было, — сказал Кир. — Я не хотел, чтобы она умирала.

— Она не умерла, — сказала Ли́ра. — Ты её спас.

— Я не спас. Я сделал хуже.

— Ты сделал то, что мог. Это не то же самое, что сделать хуже.

Кир посмотрел на неё. В его глазах было что-то, чего Ли́ра не видела раньше. Благодарность.

Четвёртый куплет был воспоминанием о пробуждении. Ми́ра открыла глаза. Они были пустыми. Она запела. И рисунки на стенах начали двигаться. Они складывались в круг с тремя точками — тот самый знак. Кир отшатнулся. Ли́ра увидела, как он смотрит на сестру — с ужасом, который был сильнее любви.

— Я не знал, что делать, — сказал он. — Я не знал, как её остановить.

— Ты не мог, — сказала Ли́ра. — Это не твоя вина.

Пятый куплет был воспоминанием о подвале. Ми́ра сидела в углу, пела, рисовала. Кир стоял у лестницы и смотрел на неё. Он не подходил. Боялся.

— Я хотел к ней подойти, — сказал он. — Но не мог. Она была не она.

Ли́ра хотела ответить. Но в этот момент она услышала голос. Голос Ксавьера.

— Ты пришла, — сказал он. — Я знал, что ты придёшь. Ты всегда приходишь.

Ли́ра обернулась. За её спиной стоял Ксавьер. Молодой. Красивый. С лицом. Настоящим. Живым. Он улыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.